

ЗАКОЛДОВАННЫЙ МАЛЬЧИК

.....

Внебольшой шведской деревушке жил самый обыкновенный мальчик — длинный, худой, белобрысый. Особыми достоинствами он не отличался, а больше всего на свете любил есть, спать да проказничать.

Так, верно, всё шло бы и дальше, если бы не случилось с ним одно приключение.

Как-то воскресным утром родители его собрались идти в церковь. Мальчик оставался дома и радовался, что отец и мать уходят и целых два часа можно делать всё, что захочется.

«Теперь никто не помешает мне пострелять», — думал он, поглядывая на отцовское ружьё, висевшее на стене.

Но отец будто угадал его мысли и обернулся на пороге:

— Раз ты остаёшься дома, не трать время попусту, а возьми книжку да почитай. И не вздумай отлынивать: вернусь — проверю.

Родители ушли, а мальчик, провожая их взглядом, чувствовал себя так, словно попал в ловушку: «Теперь небось радуются, что за книжку меня засадили!»

Но мальчик ошибался. Радоваться его родителям было нечему — они видели, что сын растёт бездельником и неучем, да и сердце у него недоброе: ничего не стоит ему обидеть, оскорбить.

И всё-таки послушаться отца мальчик не решился: уселся в кресло и стал читать вполголоса, время от времени поглядывая в окно.

Этот мартовский день был тёплым и солнечным. Здесь, на юге Швеции, в провинции Сконе, где жил мальчик, весна рано вступает в свои права. На деревьях уже набухли почки, канавы наполнились талой водой, зацвели пролески. Буковый лес, видневшийся вдали, словно тянул свои ветви вверх, в ясное синее небо, и казался выше и гуще, чем был холодной зимой. Через приоткрытую дверь в комнату доносилось пение жаворонка. Куры и гуси степенно прогуливались по двору, а коровы в хлеву, почуяв весну, призывно мычали.

Мальчик отвернулся от окна и снова склонился над книгой, но скоро его бормотание стихло, глаза закрылись — он уснул. Неизвестно, сколько бы он проспал, если бы не шорох.

Пробудившись, поднял он голову и увидел в зеркале, висевшем напротив на стене, что крышка материнского сундука откинута. Да нет, такого просто не могло быть, чтобы мать забыла запереть сундук — ведь в нём хранились вещи, которые достались ей в наследство от её матери и которыми она особенно дорожила.

Мальчик не на шутку встревожился: может быть, пока он спал, в дом забрался вор — и, боясь пошевелиться, пристально вгляделся в зеркало. Ему показалось, что на краю сундука кто-то сидит, — тень шевелилась. Он потёр глаза и посмотрел ещё раз, внимательнее, и ясно увидел крошечного гнома!

Мальчик, конечно, слышал о гномах, но и представить себе не мог, насколько они маленькие: не больше ладони. Лицо у крохи морщинистое, безбородое; длинный чёрный кафтан, штаны до колен, широкополая чёрная шляпа, белые кружева у ворота рубашки и на манжетах, пряжки на туфлях и чулки, подвязанные бантиками под коленями, делали его очень нарядным и даже щеголеватым. Гном держал в своих маленьких ручках вышитый воротник и любовался старинной работой, даже не замечая, что мальчик проснулся.

А тот хоть и удивился, увидев гнома, но вовсе не испугался. Да и чего бояться такой крохи? И тут мальчику пришла в голову мысль сотворить что-нибудь этакое — к примеру, столкнуть гнома в сундук и захлопнуть крышку.

Трогать гнома руками мальчик не решился и осторожно, не поворачивая головы, оглядел комнату, высматривая, чем бы его спихнуть: кастрюли, кофейник на полке, кувшин с водой, посуда в буфете явно не подойдут, как и отцовское ружьё на стене. И тут его взгляд упал на сачок, которым ловили мух.

Мальчик бесшумно соскользнул на пол, снял сачок с крючка и быстро накинул на гнома. Оказывается, как всё просто! Гном же тем временем беспомощно барахтался в сачке, тщетно пытаясь найти опору, а мальчик наблюдал за ним, не зная, что делать дальше.

Стоял он так, раскачивал сачок из стороны в сторону, чтобы не дать пленнику выбраться из пут, и вдруг гном заговорил: стал умолять отпустить его и уверять, что заслуживает лучшего обхождения, — ведь много лет он приносил их семье счастье. Гном даже пообещал мальчику золотую монету величиной с крышку отцовских часов, если отпустит.

Мальчик уж было решил освободить гнома в обмен на золотую монету: по правде говоря, он немного побаивался этого существа из иного, загадочного мира — но тут сообразил, что мог бы потребовать выкуп и посущественнее. Он снова встряхнул сачок, и гном, который подумал, что сейчас его выпустят, и уже начал карабкаться наверх, снова запутался.

И в эту самую минуту мальчик получил такую затрещину, что не смог удержаться на ногах и отлетел сначала к одной стене, потом к другой и, наконец, без чувств рухнул на пол.

Когда он очнулся, в комнате никого не было. Гном исчез, сундук был закрыт, а пустой сачок висел на своём обычном месте. Если бы не звон в голове от крепкой затрещины, то мальчик подумал бы, что всё это ему приснилось. «Родители

ни за что не поверят, если я расскажу про гнома: решат, что это всё выдумки. Видно, придётся снова приниматься за книгу».

Мальчик поднялся на ноги, сделал несколько шагов и остановился, изумлённый. С комнатой явно что-то случилось — она словно расширилась. И стол теперь стоял далеко, и кресло будто выросло: чтобы забраться на него, мальчику пришлось сначала залезть на перекладину между ножками, а потом уж на сиденье. То же самое произошло и со столом — чтобы увидеть свою книгу, мальчик был вынужден встать на подлокотник кресла.

«Что за чудеса! Похоже, гном заколдовал и стол, и кресло, и всю комнату».

Книга по-прежнему лежала на столе, но стала такой огромной, что мальчику пришлось влезть на неё, чтобы видеть написанное. Да и буквы теперь были гигантские. Мальчик изумлённо огляделся и, увидев отражение в зеркале, громко воскликнул:

— А вот и ещё один! И одет как я!

От удивления мальчик всплеснул руками, и человечек в зеркале проделал то же самое. Тогда он стал дёргать себя за волосы, щипать свои руки, вертеться, прыгать, кружиться — маленький незнакомец в зеркале повторял все его движения.

Мальчик даже заглянул за зеркало, чтобы посмотреть, не прячется ли там этот коротышка, но никого не увидел. И вот тут-то он

по-настоящему испугался, поняв, что гном заколдовал его и что этот крошечный человечек в зеркале он сам.

Никак не хотел верить мальчик, что превратился в гнома, и думал: «Это, должно быть, сон или наваждение. Сейчас закрою глаза, подожду минутку и, наверное, опять стану человеком».

Крепко зажмурившись, он подождал немного и открыл глаза — увы, ничего не изменилось: он остался таким же маленьким. Льняные волосы, веснушки на носу, заплаты на кожаных штанах — всё было таким же, как прежде, только уменьшившимся.

Нет, видно, сколько ни стой — делу не поможешь! Надо отыскать гнома и попросить прощения.

Мальчик по ножке стола спустился на пол и принялся искать гнома: заглядывал под стулья и шкаф, за диван и комод; осмотрел даже мышиные норки, обшарил каждый уголок — нигде его не было.

И тогда мальчик горько заплакал, умолял гнома вернуть ему прежний облик, обещая никогда впредь не нарушать данного слова и не обижать слабых. Он клялся, что станет примерным и послушным, но всё было напрасно! Тогда мальчик решил поискать гнома во дворе. На счастье, дверь была не заперта, иначе бы он — такой маленький — не смог бы её открыть.

В сенях он по привычке хотел было надеть свои деревянные башмаки — ведь в доме мальчик, как и все крестьяне в округе, ходил в одних чулках, — соображая, как же теперь сможет носить тяжёлую обувь, но вдруг увидел у самого порога пару крошечных башмачков и удивился: «Надо же, и башмаки заколдовать не поленился».

Скакавший на порожке перед дверью воробушек, увидев мальчика, громко прочирикал:

— Смотрите-ка, неужели это наш Нильс-па-стушок? Его теперь и не узнать — прямо мальчик-с-пальчик! Нильс Хольгерссон — мальчик-с-пальчик!

Со двора приковыляли гуси и куры и подняли невообразимый гвалт.

— Ку-ка-ре-ку! — кричал петух. — Так ему и надо. Ку-ка-ре-ку! Он таскал меня за гребешок.

— Ко-ко-ко! Поделом ему! — кудахтали куры.

Гуси сбились в кучу и, вытянув шеи, гоготали:

— Кто это сделал? Кто это сделал?

Удивительнее всего было то, что вся живность вокруг заговорила и Нильс понимал о чём. Это открытие так его поразило, что он застыл как вкопанный, решив: «Видно, я теперь понимаю язык зверей, потому что стал гномом».

Мальчику было обидно слышать, как куры не переставая выкрикивали своё «поделом», и, вконец разозлившись, он запустил в них камнем:

— Цыц, негодные!

Только вот не подумал, что теперь его, такого маленького, никто не боится.

— Ко-ко-ко! Поделом Нильсу! Так ему и надо! — гнули своё куры, всё плотнее обступая мальчика.

Нильс бросился бежать, но куры во главе с петухом гнались за ним по пятам. В эту минуту во дворе появился кот. Куры тут же присмирели и как ни в чём не бывало принялись искать в земле червяков.

Мальчик кинулся к коту:

— Милый котик! Ты ведь знаешь все норки, все закоулки во дворе. Пожалуйста, скажи, где мне найти гнома.

Кот ответил не сразу: усевшись на крыльце и свернув хвост кольцом, посмотрел на Нильса. Это был большой чёрный кот с белым пятном на груди и пушистой шерстью, блестящей на солнце. Со втянутыми когтями и прищуренными глазками-щёлочками вид у кота был самый добродушный.

— Конечно, я знаю, где живёт гном, — промурлыкал кот вкрадчиво, — но это не значит, что скажу.

— Котик, миленький, помоги! — принялся умолять мальчик. — Разве не видишь, что он меня заколдовал?

В кошачьих глазах зажёгся злой огонёк.

— С чего бы я стал тебе помогать? Уж не потому ли, что ты дёргал меня за хвост? — ухмыльнулся кот.

Мальчик рассердился, совершенно забыв, что теперь стал маленьким и беспомощным, и бросился на кота.

— И сейчас дёрну!

Кот мгновенно преобразился: выгнул спину, зашипел, глаза опасно засверкали.

Но Нильс не отступил и даже сделал шаг вперёд. И тут кот бросился на мальчика, повалил и, разинув пасть, навис над ним, придавив лапами так, что когти через одежду впились в тело.

— Помогите! — закричал Нильс что есть мочи.

Когда никто не пришёл на помощь и мальчик решил, что настал его последний час, кот неожиданно выпустил его из лап и сказал:

— Ну, хватит на первый раз. Ради моей доброй хозяйки так и быть, отпущу тебя, но не забывай, кто из нас двоих теперь сильнее.

И кот с довольным видом двинулся прочь, добродушно мурлыкая. А бедный Нильс не знал, что же теперь делать — ведь никто во дворе не захотел помочь найти гнома, да и сам гном, если бы удалось его отыскать, вряд ли сжалится над ним.

Мальчик забрался на каменную ограду, окружавшую двор, и задумался. Скоро вернутся из церкви родители и то-то удивятся, когда увидят, что стало с их сыном! А там и соседи сбегутся посмотреть на такое чудо. Или, того хуже, отец станет за деньги показывать его на ярмарках.

Об этом страшно было даже подумать! Нет уж, лучше скрыться куда-нибудь. Бедный он, несчастный! И не человек вовсе, а заколдованный карлик.

Понял теперь Нильс, что значит не быть человеком. Он никогда уже не сможет играть с приятелями и не станет взрослым!

Мальчик окинул взглядом двор и деревянный дом с соломенной крышей, которая как будто вдавливала его в землю. Раньше он и не замечал, какой уютный у них дом и как просторно во дворе, а теперь на лучшее жильё, чем ямка под полом, не мог и рассчитывать.

А день был чудесный: пригревало солнышко, пели птицы, — только у Нильса было тяжело на сердце, ничто его не радовало! Он поднял глаза к небу, и ему показалось, что никогда прежде небо не было таким голубым, как в тот день. Вот в вышине показались перелётные птицы, возвращавшиеся из дальних краёв, и над головой Нильса захлопали крыльями дикие гуси.

Увидев во дворе сородичей — домашних гусей, путешественники спустились ниже и проготали:

— Летим с нами к высоким горам!

Домашние гуси вытянули шеи, подняли головы, а старая гусыня крикнула в ответ:

— Вы летите, а нам и здесь хорошо!

Клин за клином в вышине пролетали с призывными криками стаи, и всё больше волновались домашние гуси: принимались хлопать

крыльями, как будто и впрямь хотели взлететь, но каждый раз старая гусыня останавливала их:

— Не вздумайте лететь с ними: погибнете от голода и холода — вы ведь почтенные домашние гуси.

Старые гусаки и гусыни важно кивали в знак согласия, но один из молодых не внял предупреждениям мудрой гусыни и решил: «Если появится новая стая, то полечу с ней».

Вскоре в небе появился очередной гусиный клин. Дикае гуси снова стали звать домашних с собой, и тут молодой гусь крикнул:

— Погодите, погодите! И я с вами!

Взмахнул он крыльями и попробовал подняться, но плюхнулся на землю. Дикае гуси, похоже, услышали его и полетели медленнее.

Молодой гусь сделал ещё одну попытку, но опять безуспешно.

Мальчик с волнением наблюдал за происходящим: ведь улетать собрался лучший гусак на птичьем дворе. И, совершенно забыв, что стал маленьким, он спрыгнул с ограды, бросился к гусям и, обхватив молодого гусака за шею, закричал:

— Не смей улетать, слышишь!

Но гусь уже оторвался от земли — крошечный Нильс не был ему помехой — и стал подниматься так быстро, что у мальчика закружилась голова. Прежде чем он сообразил, что так и не выпустил гуся из своих объятий, они уже были высоко над землёй. Нильсу оставалось одно: забраться на спину гусака и держаться крепче.

Нильс сжался в комочек и что было сил вцепился в перья гусака. Воздух свистел и гудел в ушах, рядом мелькали и шелестели гусиные крылья. Нильс долго не решался посмотреть вниз, но наконец, собравшись с духом, бросил взгляд на землю. В первую минуту ему показалось, что внизу расстелена огромная клетчатая скатерть, причём одни клетки были квадратные, а другие — прямоугольные.

— Что это за скатерть внизу? — спросил мальчик, не надеясь, Впрочем, получить ответ, но гуси хором загоготали:

— Это поля и луга! Поля и луга!

Тогда мальчик понял, что так с высоты выглядит земля, и догадался, почему она кажется клетчатой и пёстрой. В светло-зелёных клетках Нильс узнал поля, засеянные осенью и давшие всходы: чёрные клетки — это свежевспаханная земля; коричневые — буковые леса, ещё не покрывшиеся молодой зеленью.

Мальчик, вглядываясь в пёстрые клетки, воспрянул было духом и даже повеселел, но, вспомнив, что с ним случилось, горько заплакал.

К счастью, грустные мысли одолевали Нильса недолго: понемногу он стал привыкать к такому необычному способу путешествия — и теперь, глядя по сторонам, заметил, как много птичьих стай направляется на север. Пролетая мимо, птицы перекликались между собой.

— А, и вы сегодня летите? — кричали одни.
— Летим! — отвечали гуси.
— Что вы скажете о весне? — спрашивали другие.

— Ещё нет ни одного листочка на деревьях, и в озёрах вода холодная!

Мальчик заметил, что гуси теперь летели не так высоко. Рассеявшись над долиной, они словно радовались возвращению и хотели приветствовать каждый двор, каждый дом.

Вдруг Нильс удивлённо вскрикнул, узнав местность неподалёку от родительского дома. Только вот с высоты она выглядела иначе.

Да это никак Ооса и маленький Матс, его прошлогодние товарищи! Нильс дорого бы дал, чтобы сейчас быть с ними. А что бы, интересно, они сказали, если б увидели, как высоко он пролетал над их головами?

А дикие гуси вдруг громко загоготали — увидели внизу, во дворе, домашних собратьев. Замедлив полёт, прокричали:

— Полетели с нами на север, в Лапландию! Нильс услышал:

— Тепло ещё не пришло! Вы что-то рано вылетели! Возвращайтесь назад!

Дикие гуси спустились ещё ниже, чтоб их лучше было слышно, и снова призывно крикнули:

— Присоединяйтесь к нам! Мы научим вас летать и плавать!

Домашние гуси и отвечать им не стали. Тогда дикие гуси спустились ещё ниже и полетели,

почти касаясь земли, а затем с быстротой молнии взмыли ввысь, словно чего-то испугались.

— Да это же не гуси! — раздались их крики. — Это овцы! Трусливые овцы!

На земле обиженные гуси сердито загоготали.

Слушая эту перебранку, мальчик от души рассмеялся, а через минуту опять заплакал, вспомнив о своём горе, но встречный ветер высушил его слёзы. Никогда прежде не доводилось Нильсу летать, да ещё так быстро. Он и не думал, что высоко в небе холодный воздух наполнен запахами пробуждающейся земли и смолистыми ароматами деревьев, и даже не представлял, какой это восторг — летать. Ему казалось, что гуси уносят его прочь от всех забот, горестей и бед.

АККА С КЕБНЕКАЙСЕ

....

Белый домашний гусь Мартин очень гордился, что вместе со стаей диких собратьев летит над южной равниной, дразня домашних птиц, и чувствовал себя счастливым, но к полудню сильно устал. Он старался глубже дышать и чаще взмахивать крыльями, но всё больше и больше отставал от других. Гуси заметили это и стали кричать летевшей впереди предводительнице стаи:

— Акка с Кебнекайсе! Акка с Кебнекайсе!

— Что случилось? — отозвалась та.

— Белый отстаёт! Белый отстаёт!

— Передайте ему: пусть летит быстрее — так легче, — ответила предводительница, даже не обернувшись.

Гусь попробовал последовать её совету, но скоро совсем выбился из сил и, опустившись ещё ниже, теперь летел над верхушками деревьев, окаймлявших поля и луга.

— Акка! Акка! — опять закричали гуси, летевшие в хвосте и видевшие, как тяжело ему приходится.

— Ну что ещё? — с досадой отозвалась предводительница.

— Белый падает! Белый падает!

— Передайте ему: пусть поднимается выше — там лететь легче.

Гусь попытался последовать и этому совету, но, когда стал подниматься ввысь, у него так перехватило дыхание, что чуть не разорвалось сердце.

— Акка! Акка! — кричали гуси, летевшие позади. — Белый падает! Белый падает!

— Передайте ему: если не может лететь со стаей, пусть возвращается и сидит дома.

Акка, и не подумав замедлить полёт, стремительно мчалась вперёд. Тогда и понял Мартин, что дикие гуси вовсе и не собирались брать его с собой в Лапландию, а выманили из дома забавы ради.

Ах как же ему было обидно, что не может он доказать этим бродягам, что домашний гусь тоже на что-то способен. Но обиднее всего было то, как отнеслась к нему мудрая и почтенная Акка с Кебнекайсе.

Белый гусь медленно летел за другими, размышляя, что делать: повернуть назад или продолжить путь, — как вдруг мальчик-с-пальчик, которого он нёс на спине, сказал:

— Милый Мартин, ты же сам видишь: не может домашний гусь тягаться с дикими. До Лапландии далеко; не лучше ли повернуть назад, пока не поздно?

Слова мальчика вконец раздосадовали гуся, и он прошипел:

— Если скажешь ещё хоть слово, сброшу в первую попавшуюся лужу.

Гнев словно придал Мартину силу, и теперь он летел почти наравне с другими гусями. Вряд ли хватило бы сил надолго, но, на его счастье, стало смеркаться и стая опустилась вниз, на берег большого озера.

«Здесь, верно, будет ночлег», — подумал Нильс и спрыгнул с гуся на землю.

Перед ним расстилалось озеро, затянутое тёмным льдом, и хоть лёд кое-где уже подтаял и у берегов широкой полосой поблёскивала вода, вся эта ледяная гладь словно отгоняла весну и дышала холодом.

Гуси сделали привал на опушке бора, который тоже удерживал зиму — под высокими соснами лежали огромные сугробы.

С тоской обзоревав эту белую безжизненную пустыню, Нильс с трудом сдерживал слёзы. Целый день он ничего не ел и был очень голоден. Но где же тут достать еду? В марте ни на деревьях, ни в поле не найти ничего съестного.

Кто накормит его, приютит, приготовит ему постель? Кто разожжёт костёр и защитит от диких зверей?

Солнце уже закатилось, и с озера тянуло холодом. Землю окутала тьма, и из леса доносились странные звуки — шуршание, скрип и потрескивание.

Нильсу стало страшно, но кому пожаловаться, у кого искать защиты?! Мальчик с надеждой оглянулся на Мартина.

Гусь лежал на том месте, где опустился, с вытянутой шеей, закрытыми глазами и еле дышал.

— Милый Мартин, что с тобой? — воскликнул мальчик, склонившись над гусем. — Попей воды из озера — тебе сразу станет легче.

Но белый гусь не шевелился. Сердце у Нильса, который ещё совсем недавно был жесток и с птицами, и с животными, сжалось: ведь теперь Мартин его единственный друг! Мальчик и жалел его, и боялся его лишиться. Он обхватил гуся за шею и потащил к воде, хотя это оказалось делом нелёгким: гусак был самым лучшим и крупным на их птичьем дворе. Но Нильс справился: подтащил к озеру и толкнул в воду.

Гусь с минуты лежал неподвижно, но потом поднял голову, отряхнулся и стал жадно пить, а потом и к камышам поплыл. Тут же в открытой воде плавали дикие гуси, выискивая себе корм. Мартин тоже не остался без добычи: поймал маленького окуня и, подплыв с ним к берегу, положил у ног мальчика:

— Вот тебе за то, что подтащил меня к воде.

Это были первые приветливые слова, которые мальчик слышал за весь день, и так обрадовался, что хотел обнять гуся, но не осмелился. Нильс сначала не мог себя заставить есть сырую рыбу, но, поняв, что на другую еду рассчитывать не приходится, отважился попробовать и достал из кармана свой складной ножик, который был теперь не больше спички. Всё-таки мальчик сумел очистить и выпотрошить рыбёшку и съел,

подумав: «Видно, я и в самом деле теперь не человек, а гном, раз ем сырую рыбу».

От грустных мыслей его отвлёк Мартин:

— Знаешь, Нильс, я хочу доказать этим надменным птицам, что домашний гусь тоже на многое способен! Во что бы то ни стало надо долететь до Лапландии! И потому прошу тебя остаться со мной.

— Я вообще-то хотел вернуться к родителям, — растерялся мальчик.

— Не беспокойся! В своё время доставлю тебя к ним в целости и сохранности! — пообещал гусь. — Прямо к порогу твоего дома принесу.

Нильс подумал-подумал и решил, что, может, и вправду будет лучше некоторое время не показываться на глаза отцу-матери.

С озера послышалось хлопанье крыльев — это дикие гуси вышли из воды и стали шумно отряхиваться. И вот они во главе с Аккой степенно двинулись к своим новым спутникам.

Белый заметно смутился. Раньше он считал, что домашние и дикие гуси мало чем отличаются, а эти намного мельче его; перья у них не белые, а серые или серо-коричневые, жёлтые глаза, в которых будто горел злой огонёк, нагоняли на него страх. Белому гусю всегда внушали, что надо ходить медленно и степенно; эти же во все не умели ходить, а передвигались, смешно подскакивая. Но больше всего Мартин изумился, увидев их лапы: огромные, с разорванными и растоптанными перепонками — видно, дикие

гуси не выбирали, где ступать. По этим лапам в них сразу можно было узнать перелётных бродяг. Гусь Мартин успел шепнуть мальчику:

— Говори с ними смело, только не открывай, что ты человек.

Подойдя поближе, дикие гуси стали важно кланяться, и белый гусь в ответ закивал, низко склоняя голову. После обмена поклонами Акка с Кебнекайсе сказала:

— Теперь мы должны знать, кто вы такие. Наша почтенная стая прежде не принимала чужаков.

— О себе я не многое могу сообщить, — начал Мартин. — Родился прошлой весной, а осенью меня продали Хольгеру Нильссону в соседнюю деревню. Там я и жил до сих пор.

— Значит, ты благородным происхождением похвастаться не можешь, — заметила предводительница. — Как же ты отважился пуститься с нами в путь?

— Потому и отважился, чтоб показать вам, диким гусям, на что мы, домашние, способны.

— Что ж, и мы бы хотели это знать, — заметила Акка. — Пока мы только видели, как ты летаешь, но, может, что другое у тебя получается лучше? Умеешь ли ты плавать?

— О нет, этим не могу похвалиться. — Мартину казалось, что предводительница уже приняла решение отослать его обратно домой, так что терять нечего. — Мне доводилось переплывать только через лужи.

— Зато ты, вероятно, мастер прыгать?

— Где ж это видано, чтобы домашние гуси прыгали! Мы ходим степенно, без суеты, — ответил Мартин, рискуя навлечь на себя недожество Акки и нисколько не сомневаясь, что теперь предводительница ни под каким видом не возьмёт его с собой: ведь именно так, словно подпрыгивая, передвигались по земле дикие гуси, — однако, к его великому изумлению, она сказала:

— Ты храбрый: не боишься говорить правду — значит, хороший товарищ. Только вот ловкостью не отличаешься. Может, останешься с нами на несколько дней, для испытания?

— С удовольствием, — ответил гусь, весьма польщённый.

Акка с Кебнекайсе аж шею вытянула, разглядывая Нильса.

— А это кто с тобой? Я таких никогда не видала.

— Мой приятель. Всю жизнь он пас гусей и может пригодиться в путешествии.

— Тебе-то, домашнему гусю, может, и полезен, — пробурчала предводительница. — А как его зовут?

— У него несколько имён... — Гусь стушевался, не желая признать человеческое имя, а потом сказал: — Его зовут Мальчик-с-пальчик.

— Что ж, он из гномов? — осведомилась предводительница.

— Вы, дикие гуси, когда спать ложитесь? — поспешно сменил тему белый гусь, уклоняясь от ответа. — А то у меня уж глаза слипаются.

Гусыня Акка казалась очень старой: оперение серебристо-серое, без единой тёмной полоски; голова больше, чем у других гусей стаи, ноги грубее и перепонки искалечены сильнее; перья были жёсткие, плечи костлявые, шея худая. Но, несмотря на почтенный возраст, глаза её оставались ясными и зоркими. Она торжественно заявила Белому:

— Знай же, что я Акка с Кебнекайсе — предводительница этой стаи. И хоть стара, но мудра и опытна, а род мой уважаем и известен. И все гуси нашей стаи из лучших семейств. Мы не какие-нибудь бродяги, которые готовы завести знакомство с первым встречным, и не примем к себе на ночлег того, кто не хочет открыть нам своё происхождение.

И тут мальчик смело выступил вперёд:

— Я не стану ничего от вас скрывать. Меня зовут Нильс Хольгерссон. Я сын фермера и хозяина этого гуся и до сегодняшнего утра был человеком...

Мальчик не успел договорить: гуси мгновенно отшатнулись от него, отступили назад и, вытянув шеи, злобно шипели.

— Ты мне показался подозрительным с той самой минуты, как увидела тебя на берегу, — заметила Акка. — Человеку лучше поскорее убраться отсюда — ему не место среди вольных гусей.

— Да вы посмотрите на него! Неужели вы, сильные смелые дикие гуси, боитесь такого маленького существа? — заступился за товарища Мартин. — Позвольте ему хотя бы на ночь остаться здесь.

Старая гусыня подошла поближе, но видно было, как трудно ей преодолеть страх.

— Нас учили не доверять тому, кто называется человеком, будь он велик или мал. Но если ты, белый гусь, ручаешься, что твой друг не причинит нам зла, то так и быть: пусть останется на ночь. Боюсь только, что вам не понравится наш ночлег — мы ведь спим на льдинах. Но завтра утром он должен уйти из стаи.

Она думала, что гусь смутится, но ничуть не бывало.

— Вы очень благоразумны и умеете выбирать безопасные места, — сказал он почтительно.

— Смотри же, проследи, чтобы утром он отправился домой!

— Но тогда и мне придётся покинуть вас: я дал клятву не бросать его, — возразил Белый.

— Дело твоё. — И Акка, взмахнув крыльями, перелетела на середину озера. За ней последовали и другие гуси.

Нильса очень огорчило решение Акки: значит, не суждено ему увидеть Лапландию, — да и холодный ночлег пугал.

— Час от часу не легче, Мартин, — вздохнул он, — мы с тобою замёрзнем на льду.

— Не будем терять время. Набери-ка побольше сухой травы.

Когда Нильс набрал охапку прошлогодней травы, Мартин схватил его клювом за шиворот и полетел на лёд, где дикие гуси уже спали рядком, спрятав головы под крылья.

— Постели траву на лёд, чтоб у меня ноги не примёрзли, — распорядился гусь.

Мальчик разложил траву. Гусь вступил на подстилку, подхватил клювом Нильса и сунул себе под крыло.

— Так тебе будет тепло и удобно, — сказал Мартин, укладываясь и поджимая крыло, чтобы Нильс ненароком не вывалился ночью на лёд. — Спокойной ночи.

Нильс зарылся в гусиный пух, согрелся и скоро уже спал крепким сном.

Весенний лёд ненадёжен и опасен. Среди ночи ледяная корка озера треснула, и льдина, на которой устроились на ночлег гуси, отколовшись, отплыла к берегу.

Как раз этой ночью вышел на охоту лис Смирре, живший в соседнем лесу. Ещё с вечера заприметив гусей, он только и ждал удобного случая, чтобы подобраться к ним поближе.

И вдруг Смирре увидел, что льдину с гусями отнесло с середины озера к берегу. Вот удача так удача! Лису ничего не стоило перепрыгнуть через узкую полоску воды и приземлиться на льдине.

От скрежета лисьих когтей по льду гуси проснулись и замахали крыльями, торопясь взлететь, но старый лис Смирре не собирался упускать такую добычу. Одним прыжком он подскочил к ближайшему гусю, схватил его и вместе с ним бросился обратно к берегу.

От громких криков несчастной жертвы проснулся и белый гусь Мартин да так взмахнул крыльями, что Нильс, ничего не понимая спросонья, плюхнулся на лёд. Придя в себя, он увидел убегающего лиса с гусем в зубах и не раздумывая бросился за ним.

— Берегись, Мальчик-с-пальчик! Берегись, Нильс! — крикнул вслед ему Мартин.

Но мальчик и не думал останавливаться.

Дикий гусь, которого уносил лис, услышал стук деревянных башмачков по льду и, обернувшись, с грустью подумал: «Неужели этот малыш надеется отбить меня? Глупыш, разве он сможет справиться с лисом?!»

Нильс же продолжал погоню, ловко перескакивая через трещины во льду. Оказывается, теперь он отлично видел в темноте, как и все гномы.

Лис же достиг края льдины, прыгнул на берег и вдруг в этот момент услышал за спиной чей-то голос:

— Эй, ты, отпусти гуся!

Смирре не собирался выяснять, кто это кричит, но побежал быстрее, торопясь скрыться в густом буковом лесу, что темнел впереди. Нильс

не отступал: уж очень ему хотелось доказать гусям, что человек, пусть даже и маленький, способен на многое.

Смирре достиг леса и чуть сбавил темп, и Нильс уже буквально наступал ему на пятки, не переставая вопить что есть мочи:

— Отпусти моего гуся, а не то достанется тебе!

Расстояние между мальчиком и лисом всё уменьшалось, и наконец ему удалось схватить разбойника за хвост.

— Попался, рыжий! Отдай гуся! — воскликнул Нильс, изо всех сил пытаясь удержать лисий хвост. Но не тут-то было: лис рванулся вперёд и потащил Нильса за собой так стремительно, что только сухие прошлогодние листья полетели во все стороны.

Не слыша больше угроз, лис остановился, опустил гуся на землю и придавил передними лапами, чтобы не улетел. Каково же было его удивление, когда, оглянувшись, он увидел коротышку, похожего на гнома.

— Значит, это твой гусь, — ехидно усмехнулся Смирре. — Ну что ж, полюбуйся, как я его загрызу.

Насмешка лиса так разозлила Нильса, что, позабыв про страх, он ещё крепче вцепился в лисий хвост, а спиной опёрся о ствол дерева. Когда Смирре уже разинул пасть над головой гуся, Нильс изо всех сил дёрнул его за хвост, так что от неожиданности лис попятился и выпустил

гуся из лап. Гусь тотчас же, хоть и не без труда, взлетел: крылья у него были помяты и еле двигались, поэтому, увы, он не в силах был помочь своему спасителю.

— Раз так, я съем не его, а тебя, — прошипел лис в бешенстве.

— Напрасно думаешь, что тебе это удастся, — храбро ответил мальчик, гордый оттого, что сумел спасти гуся.

Хвост лиса он так и не выпустил из рук, а Смирре кружился и вертелся, пытаясь или стряхнуть коротышку, или схватить. У Нильса от этой безумной пляски всё плыло перед глазами.

Но вот прямо перед собой мальчик увидел молодой бук: прямое как стрела дерево тянулось к солнцу, — выпустил наконец лисий хвост и уцепился за ветку. А лис, ничего не заметив, кружился как заведённый за собственным хвостом.

— Не надоело ещё плясать-то, — вдруг донеслось до лиса откуда-то сверху, и он замер на месте.

Подняв голову, Смирре рассвирепел: какой позор — не смог одолеть жалкого коротышку! Растянувшись под деревом, лис принялся ждать, когда маленький гадёныш спустится на землю.

А Нильс уже едва держался на тоненькой ветке: руки у него окоченели, глаза слипались, но он гнал от себя сон, опасаясь свалиться вниз. Спуститься же с дерева мальчик не отваживался.

Как же страшно ночью в лесу! Казалось, что всё вокруг окаменело и уже никогда не проснётся

к жизни. Это была самая долгая ночь в жизни Нильса, но наконец взошло солнце. Огненные снопы его лучей разогнали тьму, и всё кругом приобрело ясные очертания. Облака на небе, гладкие стволы буков, заиндедевские ветви, земля, побелевшая от лёгкого ночного морозца, — всё озарилось светом.

Солнечные лучи разливались всё дальше, прогоняя ночные страхи и ужасы. Оцепенение прошло, и мир наполнился звуками. Чёрный дятел с красной грудкой стал долбить клювом древесный ствол. Белка выскочила из гнезда с орехом в зубах, уселась на ветке и принялась его грызть. Пролетел дрозд с прутиком в клюве, высоко на дереве запел зяблик. Солнце будто сказало всем живым созданиям: «Просыпайтесь, вылезайте на свет! Я здесь, и теперь вам нечего бояться».

С озера донёсся клич гусей — стая собиралась в путь, — и вскоре все четырнадцать гусей показались над лесом. Нильс пытался докричаться до них, но гуси летели слишком высоко, чтобы услышать его слабый голос. К тому же они, наверное, думали, что лис давно уже съел мальчика, и даже не стали его искать. Нильс чуть не заплакал от отчаяния и обиды, но солнце, сиявшее на небе, вселяло надежду и тёплыми лучами касалось лица мальчика.

«Ничего не бойся и не отчаивайся, Нильс Хольгерссон, ведь я здесь!» — словно говорило оно.

Время шло, солнце на небе поднималось всё выше. Но вот слышался какой-то шум. Лис Смирре поднял голову и посмотрел вверх. Прямо над ним медленно пролетал дикий гусь, с осторожностью прокладывая себе дорогу между кронами деревьев. Лис вскочил и погнался за ним. Гусь же, увидев разбойника, и не подумал скрыться: казалось, он решил подразнить лиса. Смирре подпрыгнул и чуть было не схватил гуся за крыло, но тот вывернулся и улетел к озеру.

А вскоре над деревьями показался ещё один серый гусь. Этот летел ещё медленнее и ближе к земле, едва не задевая крыльями Смирре. Лис снова принялся прыгать: казалось, ещё немного — и коснётся гуся лапой. Но и на этот раз Смирре остался ни с чем: словно тень, проскользнул гусь между деревьями и улетел к озеру.

Не прошло и нескольких минут, как появился третий гусь, причём летел так низко, что Смирре, сделав отчаянный прыжок, едва его не сцапал, но и на этот раз промахнулся.

Не успел этот гусь скрыться из виду, как уже показался следующий. И хотя летел он так медленно, что без труда мог бы его схватить, разбойник успел подустать и решил пропустить его мимо. Тогда гусь опустил ещё ниже. Тут уж лис не смог устоять перед искушением и бросился на него, даже лапой задел, только птица метнулась в сторону и улетела.